

Трое с площади
Карронад

Издательство

Владислав Петрович Крапивин

Рассекающий пенные гребни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153681

Крапивин В. Рассекающий пенные гребни: Центрполиграф; 2002; 2002
ISBN 5-227-01641-0

Аннотация

В повести из цикла `Сказки о парусах и крыльях` элементы фантастики сочетаются с непростой реальностью современной жизни.

Сквозь века переплелись судьбы юных героев, двух мальчиков, увлеченных морем и кораблями.

Содержание

I. Солнце в дыму	4
1	4
2	6
3	9
4	12
5	15
6	18
7	22
8	25
9	27
II. Газетчик	30
1	30
2	34
3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владислав Крапивин

Рассекающий пенные гребни

Приморская повесть

*“Выпрямляйся, барабанищик!..
Выпрямляйся, пока не поздно”.*
А. Гайдар. “Судьба барабанищика”.

I. Солнце в дыму

1

Перед расстрелом мальчик слушал ночных кузнечиков.

Кузнечики трещали на старом бастионе. И по всей округе трещали. А мальчику казалось, что в небе стрекочут лучистые звезды.

Часовой выпустил мальчика из каземата и разрешил подняться на площадку низкой оборонительной башни.

– Только ты это, смотри, без глупостей. Не пробуй удрать.

Мальчик лишь вздохнул. Бежать надо было вместе с Витькой и другими пленными. А теперь что? Посты усилили, нынче их не обойти. Да если бы и удалось вновь оказаться на берегу бухты, куда деваться потом? Пловец он никакой, а ширина бухты – не меньше четверти лье...

– Не бойся, Мишу, я просто полежу наверху...

– Вот и ладно. А то, если сбежишь, мне точно не быть живым... А тебе чего бояться? Попугают утром, пальнут поверх головы, да и гуляй на здоровье. Ну, разве что еще выдерут, чтобы в другой раз не дурил, но это дело не смертельное...

Пожилой добрый Мишо жалел и утешал мальчишку. Но мальчик знал, что солдат врет. Приказ о расстреле отдал сам командующий, а он никогда не отступает от своих слов. Тем и знаменит...

Площадка была засыпана землей и поросла кустиками упругой травы. Мальчик лег на спину. Жесткие метелки защекотали затылок и уши. Трава пахла сладковато и полужнакомо. А еще пахло нагретыми за день камнями и морем. А гарью и трупами не пахло совсем. За несколько спокойных, почти мирных дней этот военный запах поулегся, растаял, уступил дыханию природы. К тому же, здешний приморский бастион никогда не был в линии активной обороны. Даже при самых жестоких боях его обстреливали редко и ни разу не штурмовали. Здесь был у противника пересыльный лазарет и склады.

Стрекот кузнечиков (или звезд?) был сильным, но не утомительным. Даже ласковым.

Стоял сентябрь – время для здешних мест совсем еще летнее. Ждали равноденственных бурь, но пока над Полуостровом завис недвижный прогретый воздух. И сейчас пласты этого воздуха невидимо, но ощутимо шевелились над мальчиком. А сквозь них смотрели тысячи звезд.

Звезды были разные – яркие и еле заметные. Очень далекие и очень близкие. Некоторые – будто в пяти футах от лица. А в самой высокой дали светились облачка звездной пыли.

Иногда медленный текущий воздух шевелил гроздь звезд. Но, качнувшись, они снова делались неподвижными. Только со стрекотом раскидывали в черноте голубые и белые лучи...

Над деревней Пуль-Нуар, где мальчик жил до войны, тоже бывали яркие звезды. И мальчик любил смотреть на них из чердачного окна, из своего ветхого жилья-голубятни. Но такого несговорчиво-черного неба он не помнил. Там, если приглядеться, можно было все-таки разглядеть в небесной тьме еще более темную колокольню, что возвышалась над церковью Святого Антуана. В арочном проеме колокольни угадывался большой колокол.

Про колокол говорили, что раньше он висел на маяке. И что в первую полночь полнолуния, если встать против церковных дверей, можно услышать, как из колокола доносится эхо голосов. Это будто бы голоса тех, кто сгинул в чужих краях – ушел на войну или на заработки и никогда уже не вернется.

Деревенский кюре отец Бастиан убеждал прихожан, что это пустые суеверия. Он был молодой, увлекался науками, любил рассказывать мальчишкам про электричество и не раз говорил в проповедях, что истинная вера не имеет ничего общего с предрассудками. Пожилые мужчины и тетушки слушали отца Бастиана с почтением, но потом покачивали головами. И многие женщины по-прежнему ходили в лунную полночь к церкви. И запрокинув лица, прислушивались со страхом.

Но ради мальчика ходить к церкви никто не станет. И даже если эхо прозвучит в колоколе, никто не услышит, не загорюет...

Мальчику стало жаль себя. Но не так уж сильно, не до слез. Потому что стрекочущие звезды успокаивали его. Словно говорили: «Не горюй, скоро будешь среди нас». Может, и правда?..

Да и какой смысл жалеть, если все равно ничего не изменишь? Что сделано, то сделано. И случись такая история снова, он поступил бы так же.

Дядюшка Жак – старый капрал Жак Бовэ – не раз повторял: «Если сделал в жизни, что задумано было, то и помирать не страшно».

Ну нет, все-таки страшно... Только сейчас этот страх был где-то в отдалении, позади усталости, позади покоя, который вместе с теплым воздухом, с кузнечиками и звездами подарила мальчику ночь.

Просто душа его устала ужасаться и мучиться. Днем-то он пережил и перечувствовал столько, что хватило бы на целую жизнь до старости. И острый ужас, когда узнал о приговоре; и отчаяние, и надежду; и тоскливое понимание, что надежда – напрасна. И... пробившуюся сквозь страх злую гордость: «А все-таки я сделал э т о! И вам их не поймать!»

Но теперь не было и гордости. Просто желание лежать так долго-долго. И чтобы звезды не смолкали...

В конце концов (он чуточку усмехнулся про себя) есть во всем этом и что-то хорошее. Не придется страдать от качки при обратном плавании. Ох какое это мучение, когда корабль с борта на борт перекадывают тяжелые валы, а человека выворачивает наружу, как мешок из-под гнилой капусты. Тогда кажется, что это, конечно же страшнее, смерти!..

2

А ведь хотел быть моряком! Потому и сбежал в Порт-Руа, когда услышал от отца Бастиана, что военная эскадра скоро двинется к чужим берегам.

Корабли высадят многочисленный десант, и грозные батальоны, взяв штурмом приморскую крепость, прославят свою страну и любимого императора. И смоят сорокалетнюю горечь поражений четырнадцатого года! Так было написано в газетах, которые на диковинной двухколесной дрезине привозил отцу Бастиану верткий и длинноногий почтальон месье Доду.

Отец Бастиан пересказывал прихожанам статьи, но при этом поджимал губы и сердито тискал худой бритый подбородок. И однажды прямо высказался, что ему, служителю Христа, негоже одобрять смертоубийственные планы. Даже если они во славу отчизны.

Пожилые обитатели Пуль-Нуар также этих планов не одобряли. Но молодежь и мальчишки смотрели на такое дело иначе. Недаром в ходу опять был старый гимн: «К оружию, граждане, пришло время славы!» Слова эти и мелодия волновали кровь. Несколько парней – под причитания матерей и невест – подались в волонтеры.

Подался и мальчик.

Только сухопутным героем быть он не хотел. Ему виделась в мечтах палуба, на которой он ловко подносит снаряды к раскаленным от боя карронадам. От залпов летят в воздух остатки бастионов на вражеском берегу... А потом война кончается и фрегат уходит в плавание к дальним архипелагам. Как в книжках про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля, которые давал почитать отец Бастиан...

Мальчик не боялся, что будут о нем печалиться и станут искать. Отца с матерью давно не было на свете, старшая сестра вышла замуж за ученика аптекаря в ближнем городке, а мальчишку приютили дальние родственники.

Нет, его не обижали и даже отпускали в деревенскую школу. Все было по справедливости. В доме дядюшки Пьера и его супруги тетюшки Жозефины он получал ту же порцию луковой похлебки и колотушек, что и родная их многочисленная ребятня. Но и только... И понимал он, что месье Пьер и мадам Жозефина тайком вздохнут с облегчением, когда поймают, что одним едоком стало меньше. Тем более, что пользы от мальчишки ждать не приходилось. Он, чуть выпадет свободная минута – носом в книжку. А от ученых книжников много ли проку в деревенском хозяйстве? Только огарки церковных свечек зря жег на своем чердаке. Сколько было говорено: «Не смей, а то дом спалишь», а он все свое...

В Порт-Руа среди суеты, многолюдья и погрузочной сутолоки попасть на корабль оказалось нетрудно. Труднее было таиться там до выхода в море. Ну, а дальше – то, чего он и ожидал. Сначала – крепкие руки, выдернувшие его из-за бухты толстого каната. Подзатыльник. Краснолицый, с растопыренными бакенбардами офицер в позументах (то ли сам капитан, то ли один из его лейтенантов). «Всыпать паршивцу две дюжины линьков и выкинуть его на корм селедкам!» И, конечно, не сделали ни того, ни другого. Вступился оказавшийся рядом командир десантного батальона капитан д'Эпиннэ. Усатый весельчак. Сказал, что такого тощего, проголодавшегося и еле живого от страха сорванца никакие рыбы есть не станут. Надо его умыть, подкормить, а там будет видно («И сейчас же перестань реветь!»).

Затем командир батальона препоручил найденыша заботам седого и грузного капрала Бовэ. Тот отвел мальчишку на нижнюю палубу, к солдатам.

Конечно, brave пехотинцы Первого батальона Второго Колониального полка были рады мальчишке: у многих дома остались такие же. И пошел веселый разговор, что «теперь, боевые товарищи, противнику лучше сразу поднять белый флаг, поскольку с нами такая непобедимая воинская сила...»

Мальчику пообещали, что для начала его сделают барабанщиком, а затем он обязательно дослужится до офицера и вернется домой, увешанный наградами, как цыганская красавица украшениями из серебряных монет. И от невест не будет отбоя...

По правде говоря, его это не очень устраивало. Конечно, стать героическим барабанщиком (а потом и офицером!) армии его императорского величества – дело заманчивое, но морская служба казалась привлекательней. Однако мальчик решил, что дальше будет видно, а пока все идет не так уж плохо.

Но оказалось, что плохо. Ой, до чего же плохо!...

Первая же качка свалила мальчишку с ног.

Правда, не только его. Полегли и многие солдаты, такие рослые, такие здоровые. И страдали не меньше мальчика. Но ему от этого было не легче!

Мир сделался отвратительно жидким, тошнотворным, и все вокруг виделось как через грязное бутылочное стекло. И самое невыносимое, что этому не было конца...

Конечно, случались передышки. Море делалось спокойным, тяжкая слабость отступала, появлялись силы, чтобы выбраться на верхнюю палубу, плотннуть свежести. Но вскоре задувало крепче прежнего, и все начиналось опять.

Капрала Бовэ морская болезнь не брала. Но, глядя на мальчишку, он страдал не меньше его. Сажал иногда себе на колени и раскачивал как бы навстречу размахам палубы. Порой от этого становилось легче... И к концу плавания измученный мальчик знал, что самый хороший человек на свете – дядюшка Жак...

О морской службе думать уже не приходилось. Исстрадавшийся мальчик вместе с батальоном Второго Колониального полка сошел на чужой берег. Никто не стрелял, берег казался необитаемым. Громоздились пористые глыбы песчаника. Батальон построился, взяли в шеренгу и мальчика. Он был уже в солдатской одежде, с пустым ранцем за плечами. Только ружья не дали, сказали, что барабанщику не положено. Правда и барабана пока не было, обещали дать позже. Но все-таки обещали! Потому что ему ничего другого и не оставалось, как стать барабанщиком. Ну и ладно! Это тоже путь славы...

Путь этот оказался непрост. Когда мальчик напоминал о барабане, ему говорили, что не все сразу. Надо, мол, заслужить. Хорошо, конечно, маршировать под полковым знаменем впереди атакующей колонны, но сперва надо постигнуть все трудности солдатских будней.

Уже после мальчик понял, что его просто не хотели посылать под пули.

Полк ходил в атаки на бастионы противника, отбивал в траншеях вылазки противника, терял солдат в частых перестрелках. А мальчишку оставляли то при полковой кухне, то в тыловом блиндаже оружейной команды, где он чистил амуницию и отмерял в бумажные фунтики пороховые заряды для длинных ружей системы де Вилье.

А в бой его все не брали, хотя у него теперь был длинный пистолет, из которого он без промаха с десяти шагов попадал в трофейную егерскую фуражку.

И в тот отчаянный штурм бастиона под названием «Конская голова» не взяли тоже. Штурм, как и прежние, кончился неудачей, а во время отступления был убит капитан д'Эпиннэ. Некоторые солдаты плакали. Мальчик тоже. Но это не помешало ему захватить барабан взрослого барабанщика Анри, которого ранили и отправили в лазарет на берегу Тростниковой бухты.

– Теперь-то я уж точно пойду в бой! Я хочу отомстить за капитана! Я умею играть «Марш-атаку»!

– Ладно, ладно, – успокоил его дядюшка Жак. – Только не сейчас. Наш полк отводят в резерв.

В сырых и тесных блиндажах резервного лагеря было скучно. Солдаты радовались безопасности и отдыху, а мальчик отдыхать не хотел. Он хотел воевать. И отпросился к артил-

леристам, чья дальнобойная батарея стояла на склоне горы Эдуарда, напротив левого фланга оборонительной линии противника.

У артиллеристов было не в пример веселее. Правда, сперва мальчик вздрагивал от оглушительного лая чугунных гаубиц, но скоро привык. Он ловко ввинчивал в шаровидные снаряды запальные трубки, подносил к орудиям холщовые картузы с пороховыми зарядами, вместе с солдатами хватался за длинные рукояти ершей, которыми чистили гаубичные стволы.

К запальным отверстиям стволов были пристроены пистолетные замки, чтобы стрелять, дергая шнурок. И мальчику не раз давали дернуть. Трудно было разглядеть, куда именно падал его снаряд. Но, поскольку над далеким бастионом противника вырастал дым и порой взлетало пламя, ясно было, что стрельба ведется удачно. И, значит, был и его вклад в победу, которую несомненно одержит армия императора и ее славные союзники, войска королевы Виктории.

С победой, однако, что-то не ладилось. Наоборот, контратаки противника делались все чаще, а стрельба все активней. Перед бруствером батареи, а то и среди орудий теперь то и дело оглушительно лопались бомбы. Только успевай прыгать в укрытие.

Один раз мальчик не успел. Горячая волна бросила его лицом в гравий, чугунный осколок распорол рукав синей суконной курточки выше локтя.

Мальчик не очень испугался. Только оглох на время. Когда гул в ушах ослабел и боль в разбитых губах прошла, он сам – крупными стежками – зашил прореху на рукаве. И похвастался этим «шрамом» перед дядюшкой Жаком, когда тот пришел на батарею проводить мальчишку.

Капрал Бовэ почему-то не обрадовался героическому рассказу мальчика. Он сказал, что, согласно уставу императорской армии, каждый солдат обязан находиться в своем подразделении, а не болтаться, где ему вздумается. Иначе это будет не армия, а табор бродячих комедиантов. Он взял мальчика за руку и увел в свой пехотный блиндаж.

– А мой барабан никуда не девался?

– Никуда. Будешь играть на нем побудку и отбой...

Но барабанить в резервном лагере мальчику пришлось недолго.

3

Стояла уже поздняя осень, и наступили такие холода, что грязь и сырая глина окаменели. Кое-где их присыпал колючий сухой снежок. Море вдаль было сизым от стужи. На барабанный сигнал подъема хмурые солдаты вылезали из блиндажей все неохотнее. Дисциплина падала. Зачем подыматься, если все равно никаких дел? Когда в караул или на работу – это понятно. А просто так чего торчать на холоде?

Да и сам барабанщик выбирался утром из-под шинели без всякого желания...

Противник не думал сдаваться. Но и не наступал. Стрельба с двух сторон делалась все реже. Стало ясно, что активных боев не будет до весны. А зимовка предстояла безрадостная. Не хватало провианта. Все чаще санитарные повозки увозили солдат в тыловые лазареты. Не раненых, а больных. Непривычная стужа донимала всех, от холода распухали пальцы.

Счастливыми считали тех, кому удалось отпроситься в отпуск на день-два и побывать в тыловом лагере.

Точнее говоря, это был не лагерь, а настоящий городок. Его выстроили саперы и бывшие с войсками вольнонаемные каменщики и плотники. Здесь стояли дома с квартирами для начальства и конторами всяких военных ведомств. Была двухэтажная гостиница и рестораны для офицеров. Был даже настоящий театр с просторным залом, с крытой наружной галереей, с деревянными колоннами и гипсовыми масками на фронтоне.

Городок назывался Тростевиль. Он стоял на берегу Тростниковой бухты, куда вошла часть союзной эскадры. Ядра сюда не долетали, стрельба слышалась глухо. Только зимнее солнце над Тростевилем постоянно было в красновато-серой дымке – война есть война. И все-таки казалось, что здесь кусочек мирной родины.

Среди театральной obsługi у капрала Бовэ нашелся приятель-земляк, пожилой холостяк дядюшка Давид – гримёр и парикмахер.

Незадолго до Рождества капрал сказал мальчику:

– Вот что, герой, нечего тебе здесь киснуть и мерзнуть. Отправишься к Давиду, поживешь у него до тепла. Не бойся, без тебя война не кончится.

– А как же устав? Я же должен быть в своем полку!

– Ох ты писарь-буквезд! Командир оформит тебе отпуск...

У дядюшки Давида было хорошо. Тепло, не голодно. Можно было до полудня валяться на мягком матрасе и разглядывать картинки в старых журналах с рисунками мод и причесок. Можно было, разиня рот от любопытства, гулять по улочкам Тростевиля и глазеть на пеструю тыловую жизнь.

А каждый вечер – театр! Шумные представления с музыкой, огнями, танцами! С полетом разноцветных платьев и лент, с пестрыми холстами декораций и звоном жестяных рыцарских лат... Правда, смотрел спектакли мальчик не из зала, а из-за кулис, но все равно было здорово! И так не похоже на стылую жизнь резервного лагеря! Сплошная сказка!

Мальчик почти не улавливал содержания сумбурных опереток, но их радостный вихрь захватывал его, как чудесное сновидение.

А потом дядюшка Давид сказал, что есть возможность принять участие в спектакле. Как настоящему актеру! Заболела девица, игравшая мальчишку-пажа, и нужна срочная замена.

– Я же не умею... – прошептал мальчик, млея от испуга и радостного желания.

– А чего там уметь! Надо только ходить за дамой и держать ее шлейф. Главное, вести себя по-придворному, а не как сорванец на деревенской улице. Ты же читал книжки про королей, рыцарей и пажей...

И жутко было, и заманчиво...

Мальчик и раньше ощущал некоторую причастность к театральному миру. Потому что помогал служителям ставить декорации и подметать сцену (за что получал несколько медяков). Но сейчас – совсем другое дело. Как если бы читатель сказки превратился в ее героя...

Вначале пахнувшие сладкой пудрой костюмерши обрядили хихикающего от неловкости мальчика в тугой атлас и кружева. Шумный и пузатый месье Пеньюар – главный театральный командир – показал, как носить шлейф и кланяться. И у мальчика получалось. Весь спектакль он важно ступал за главной героиней оперетты, придерживая пальцами конец длинного невесомого шелка. И казалось, что все аплодисменты – не ей, а ему.

Героиню играла любимица публики мадемуазель Катрин. Когда упал занавес, она звонко поцеловала мальчика в щеку.

– Ты самый лучший мой паж! Никогда не расставайся со мной!

И с того раза он всегда носил ее шлейф.

Они сделались друзьями.

Скоро мадемуазель Катрин забрала мальчика к себе. Он не спорил. У дядюшки Давида жилось неплохо, но тот постоянно был навеселе и дома все время клевал носом, не поговоришь по-человечески. А с Катрин можно было болтать часами и о чем угодно. Правда, нередко к ней приходили офицеры с бутылками и цветами (и где они только брали цветы в такую стужу?), но и тогда Катрин не отпускала мальчика от себя.

– Это мой верный паж!

А еще она звала его "мон пети тамбурильеро" – мой маленький барабанщик.

И обращалась с ним порой как с малышом.

Отобрала у него суконное обмундирование, из обрезка бархатной кулисы сшила костюмчик с откинутым на плечи брюссельским воротником. По утрам целовала в обе щеки и давала чашку горячего шоколада.

В глубине души мальчик понимал, что у бездетной и незамужней Катрин – мечта о своем сынишке. Была Катрин не так уж молода, как виделось поначалу. На сцене – юная красавица, а дома заметны морщинки под кремом и пудрой. Но все равно красивая. И добрая. Мальчик терпеливо сносил ее ласки (порой они были даже приятны). Только растопыривал локти и сердито сопел, если поцелуи и пахнувшие шелком и мазями объятия становились чересчур жаркими.

Лишь однажды он заспорил и заскандалил отчаянно – это когда Катрин вознамерилась самолично выкупать его в своей привезенной из Парижа ванне:

– Вы с ума сошли? Мне двенадцать лет! Я волонтер императорской армии!

– Ах, простите, мой генерал! Я забыла, что вы уже взрослый! Ну, тогда позволено мне будет хотя бы расчесать ваши волосы?

Волосы отросли чуть не до плеч, превратились в локоны. Катрин умоляла не стричь их...

При всей приятности той жизни в ней было и досадное – частые укоры совести: он тут живет как принц, а боевые товарищи мерзнут в блиндажах...

Конечно, никакой он был не принц. Костюм – из потертой театральной тряпицы, брюссельские кружева воротника – из остатков старого платья. И спал не на перинах, а на походной койке за ширмой, в тесной комнатухе полубродячей опереточной певички. Но все-таки...

Хотя, с другой стороны, он в законном отпуске. К тому же, все равно скоро весна...

В конце февраля Катрин стала кашлять, и военный врач капитан Депардье сказал, что ей пора возвращаться домой – здешний климат погубит ее.

– Поедем со мной, мой маленький! Будем жить у моей мамы, пойдешь в школу. Или запишем тебя в хороший пансион. Станешь ученым!..

– Я же барабанщик! Солдат!

– Ты волонтер. И даже не совсем настоящий – ты не подписывал контракт. Имеешь право закончить службу, когда захочешь!

Она не понимала. У него было одно право: вернуться в полк, к боевым друзьям, к капралу Бовэ и, если надо, умереть за императора!

Катрин присела перед мальчиком на корточки. В глазах – блестящие капли.

– Господи... а з а ч е м?

– Что зачем?

– Всё это... Вся эта война?

Барабанщик пожал плечами. Война была ради победы, ради славы. И раз она не окончена, его место здесь. Он знал это нерушимо.

Хотя расставаться с Катрин было очень жаль. Он... да, он даже заплакал, когда прощались у шлюпки – та должна была увезти пассажиров на стоявший в бухте пароход-фрегат «Версаль». Катрин тоже плакала. И последний раз прижала мальчика к себе. Он опять был в форме Второго Колониального полка.

В тот же день мальчик вернулся в резервный лагерь.

Был уже март и начинала зеленеть окрестная степь. Через Большую бухту дул теплый южный ветер, трепал мальчишкины локоны. Стричь волосы мальчик не стал, оставил их на память о Катрин. Полковой устав это не запрещал.

4

Весной мальчик со своим барабаном дважды ходил в атаку. Правда, с врагом лицом к лицу не столкнулся ни разу, потому что полк двигался во втором эшелоне штурмующей дивизии. Но и здесь было опасно. Лопались бомбы, посвистывали пули. То там, то тут, взмахнув руками, падали вниз лицом солдаты. Но мальчик знал, что с н и м такого не случится. Просто потому, что э т о г о н е м о ж е т б ы т ь. И вообще казалось, что все не по правде, а как бы снова на театральной сцене, только на громадной.

Обе атаки закончились неудачей. Пришлось отходить в надоевшие траншеи. Мало того, во втором бою осколком разворотило у барабана бок. Мальчик не испугался и тогда, только очень разозлился. И с горячей досадой выпалил в сторону вражеских позиций из своего длинного пистолета.

А о барабане, по правде говоря, он не очень жалел. Тот был слишком тяжел, путался под ногами, а храбрую атакующую дробь все равно никто не слушал. В следующую атаку можно будет идти налегке. Звание барабанщика за мальчиком все равно сохранилось. И красные с желтыми галунами наплечники – тоже...

Первый общий штурм вражеских бастионов случился лишь в середине лета. Капрал Бовэ сердито сказал:

– Нечего тебе туда соваться, дело будет жаркое. Иди помогать врачам, у них не хватает людей. Так приказал командир батальона.

Вот еще! Полковые барабанщики не обязаны подчиняться батальонным командирам. На то они и п о л к о в ы е. Так рассудил мальчик. И когда штурмовая колонна по сигналу боевых рожков выдвинулась из траншеи, он со своим тяжелым пистолетом наперевес – как с ружьем – оказался в шеренге между двух полузнакомых солдат.

– А ты куда?!

– Куда надо!

– Марш назад!

Но тут опять затрубили горнисты – и вперед, вперед!

– Да здравствует император!

Сперва быстрым шагом, потом бегом. Вверх по пологому склону – по сухой глине и сожженной траве. Медное солнце в рыжем дыму, синие дымки ружей, тяжелый топот, крики, запах горелого тряпья... Шеренги смешались, теперь каждый был сам по себе. Тот солдат, что рывкнул «марш назад!», вдруг согнулся, уткнул штык в землю, встал на колени, повалился набок... Все равно вперед!

– Да здравствует император!

Впереди тоже что-то кричали. Мальчик увидел совсем близко на склоне сложенный из мешков и длинных корзин бруствер. Туго ударял навстречу воздух. Черные орудия выплевывали желтый огонь. На стволах вздрагивали сплетенные из корабельных канатов щиты.

– Да здравствует им... – Трах! Ударило над головой, свистнуло. Солдаты по сторонам падали непрерывно. И стало наконец страшно.

Главный страх был даже не в том, что вокруг то и дело валились люди. Что-то изменилось в о о б щ е. А, вот что! Люди бежали не только к бастиону. Бежали и о т б а с т и о н а! Солдаты в незнакомых мундирах, в фуражках без козырьков, в белых перекрестьях ремней. Бойцы сталкивались, перемешивались, как-то неуклюже махали ружьями со штыками. И нарастал, нарастал крик:

– А-а-а!..

Мальчик остановился. Не было уже сил для бега. И не было понимания: что же дальше? Для чего он здесь, в этой адской сумятице? Глянул перед собой и увидел врага. Не просто одного из врагов, а с в о е г о.

Громадный дядька с растрепанной русой бородой, с измятым в крике лицом, в картузе с медным крестом приближался летящими шагами. Его ноги в высоких сморщенных сапогах будто не касались земли. Мальчик видел черную дыру открытого рта.

Надвигалась гибель. Та, которой раньше н е м о г л о б ы т ь.

Мальчик шагнул назад, оступись, упал на спину. Бородатый великан завис над ним, медленно (как во сне) поднял над плечом штык. Трехгранное железо было красным.

Мальчик шевельнул губами:

– Зачем? Не надо... – Это была неслышная, но отчаянная – на весь мир – мольба.

Штык остановился (с него упала красная бусина). По смятому лицу бородача словно провели ладонью. В синих глазах... что в них? Озадаченность? Жалость? Может, увидел, что враг – мальчишка? О чем подумал в тот миг?

Мальчик никогда не узнает об этом.

Он лежал, упираясь в землю растопыренными локтями, он не выпустил пистолет. Ствол смотрел в бородача. Мальчик нажал спуск.

Отдача вдавила локоть в рассыпчатый глинозем. Пуля рванула пряди бороды.

Наверно, она попала сквозь бороду в горло.

Бородач – громадный, как колокольня – запрокинулся. Рухнул. Штык воткнулся рядом с ним, ружье тяжело качалось. Шум куда-то ушел, стало вокруг беззвучно. Мальчик толкнулся локтями и встал. Шагнул. Нагнулся над чужим солдатом, упершись пистолетом в землю. Бородач посмотрел на него без удивления и, кажется, без боли, спокойно так. Потом стал смотреть мимо, в небо. Синие глаза мутнели. Раны не было видно под бородой. Борода дернулась и опала, рот сомкнулся, в углу его лопнул розовый пузырек.

Это что? Это... всё?

Мальчик мельком вспомнил разговоры, что такие вот бородатые воины – не настоящие солдаты, а ополченцы, пришедшие на бастионы прямо с крестьянских полей...

«Зачем я его? Он же не хотел меня убить... Или хотел?... Я нечаянно... Нет, я нарочно...»

«Ну, пусть меня бы он не убил. А других...»

Но эта мысль не успокоила. Ничего не доказала.

«Зачем?»

Шум боя опять ударил по ушам. Теперь все бежали в одном направлении – от бастиона к траншеям. Знакомый сержант по прозвищу Мельник на бегу схватил обомлевшего барабанщика под мышку и, не сбавляя скорости, донес до своих позиций.

Мальчик думал: будут ругать. Но его, как маленького, гладили по голове и называли героем. Многие видели, как он свалил ополченца.

– Он выпалил этому голиафу прямо в бороду! – вскрикивал Мельник и махал руками, как крыльями.

– Храбрец!

– Быть тебе маршалом!

Подожел лейтенант Бордо. Улыбнулся очень красными губами.

– Какой славный мальчик, прямо херувим. Жаль, если убьют.

На Бордо косились. Он был штабной, в атаку не ходил, а сейчас пришел составлять сводку для начальства.

В похвалах и восклицаниях мальчику чудилась какая-то ненатуральность. Даже виноватость. И он понял, отчего. Сердце упало, когда кто-то из солдат сказал:

– Ты это... вот что... иди туда, к палатке. Дядюшка твой там...

У дядюшки Жака бакенбарды были такие же русые, как борода у т о г о...

А глаза... Мальчик с пронзительной тоской вдруг понял, что не помнит: какого цвета глаза у дядюшки? И теперь никогда не узнает. Потому что веки капрала Бовэ были плотно сомкнуты.

Капрал лежал в ряду других солдат, которых удалось вынести при отступлении. Тех, кто был ранен и умер не сразу.

А сколько осталось там, на глинистом склоне...

Мальчик постоял на коленях у головы дядюшки Жака. Плакал или нет, он потом и сам не помнил. Если и были слезы, то неосознанные, сами по себе. А главное было – мысли. Вернее, растущее п о н и м а н и е. В мальчика входило осознание закона войны. Это был закон Равновесия Смерти.

Главное в войне – не победа. Она может придти к той или иной стороне по воле случая или военной удачи. Она ничего не решает. Потому что обеим сторонам война несет смерти. Много смертей. Если убивают солдата в синем мундире, то убивают солдата и в зеленом – на другой стороне... Наверно, число убитых в разных армиях не всегда одинаково, но это не отменяет общего беспощадного равновесия.

И когда мальчик выстрелил в бородача, он убил дядюшку Жака.

Основное дело на войне – не побеждать. А убивать и умирать.

Зачем?

5

На следующий день было перемирие. Мальчик – усталый, с похолодевшей душой – вместе с сержантом Мельником ходил между траншеями и бастионом и через силу вглядывался в лица мертвых. Своих и т е х. Лица были похожие.

Он и раньше видел убитых, но старался не смотреть долго, защищал себя от страха и близости смерти. А сейчас он хотел п о н я т ь.

Убитые были похожи на живых, но в то же время уже не здешние, чуждые этой земле. Только если сохранялось на лице страдание, то еще земное. И в страдании – тот же вопрос: зачем?..

Трупы клали на носилки и растаскивали по разным сторонам.

Чужой усатый солдат в бескозырке с красным околышем потрепал мальчика по спутанным волосам.

– Эх ты, кроха. Тоже служивый...

Мальчик не понял слов чужого языка. Он не шарахнулся, не уклонился. Только затвердел...

Капрала Бовэ вместе с другими убитыми похоронили на солдатском кладбище, на тыловом склоне горы Эдуарда.

И война продолжалась.

Сержант Мельник отвел мальчика к старым знакомым – к артиллеристам. Чтобы тот опять не сунулся в атаку. Мальчик не спорил. И участвовать в штурме бастионов больше не стремился. Не боялся, а просто не видел смысла.

Он, как и раньше, помогал чистить орудия и подносил заряды. На войне как на войне. Но его не оставляло смутное ощущение, что там, за дымящимися брустверами вражеских бастионов такой же мальчишка вертится среди орудийной прислуги: таскает картузы с порохом, налегает на длинную ручку баника...

Однажды линию батарей объезжал командующий – блестели аксельбанты, колыхались перья над треуголками. Артиллеристы стали во фронт. Командир батареи, раненный в руку доблестный лейтенант де Раш, представил командующему мальчика:

– Мой маршал, это самый юный участник недавнего штурма. В бою он свалил из пистолета противника-великана.

– Bravo, маленький герой! – Маршал сильно склонился с седла (с плеча свесился пышный эполет) и потрепал мальчишку по щеке. Тот стоял, вытянувшись в струнку и вскинув подбородок. Маршал щелкнул пальцами. Перевитый серебряными шнурами офицер соскочил с коня, навесил на потрепанную куртку барабанщика медаль на трехцветной ленточке. Желтую, тяжелую, с вензелем императора.

Горделивое чувство на миг согрело мальчика. А потом: «Интересно, т о м у м а л ь ч и к у тоже дали медаль?»

Говорят, бывают юные барабанщики, сыновья полков – весельчаки, чертенята, шутники и танцоры, которые радуют солдат своей неугомонностью. Общие любимцы. Мальчик был не такой. Неразговорчивый он был, и ему нравилось смотреть на бабочек, которые даже сквозь вихрь войны залетали на батарею.

Любили его? Он не знал. Если и да, то не за бойкий нрав, а просто за то, что малолеток... Он и не искал ничьей любви, а привязан был только к дядюшке Жаку, да еще, пожалуй, к Катрин...

Теперь мальчик отгородился от всех постоянным молчанием. И хотел, чтобы скорее все кончилось.

А что будет дальше?

Дядюшка Жак ворчливо говорил: «Рано тебе солдатскую похлебку хлебать. Кончим воевать и поедem ко мне в Сен-Мишель. У меня там дочь, а у нее двое пострелят вроде тебя, только поменьше. Будешь за старшего. А муж у нее маляр, он тебя обучит этому делу...»

«Нет, я хочу быть барабанщиком...»

Теперь-то он с радостью бы ждал отъезда в Сен-Мишель, да вон как все поломалось... Можно, конечно, остаться в полку. Но... зачем?

Несколько неудачных штурмов образумили армию императора. Теперь больше воевали не штыками, а лопатами. По ночам. Траншеи неумолимо приближались к бастионным брустверам, которые не смолкая громила доблестная дальнобойная артиллерия. У противника уже не было сил все время восстанавливать укрепления.

Наконец, когда от траншей до бастионов было всего полторы сотни футов, войска кинулись на яростный генеральный штурм.

В этот раз тоже не все удалось. Союзники на правом фланге – красномундирные батальоны ее величества – дружно откатились, не выдержав контратак. Но дивизия, в которую входил Второй Колониальный полк, в отчаянном броске взяла Главную высоту...

Мальчик не участвовал в штурме. На Высоту он попал, когда все уже было кончено. Его привело туда сумрачное любопытство. И смутное ожидание какого-то с о б ы т и я.

Оказалось, что бой здесь еще не совсем угас. Холм уже очистили от противника, но недалеко от вершины, в приземистой квадратной башне засел десяток защитников. Они надеялись, что высоту скоро снова отобьют, и метко палили из узких каменных амбразур. Полковой адъютант, махая платком, несколько раз подходил к амбразуре и предлагал «храбрым товарищам, которые до конца выполнили свой долг», сложить оружие. Адъютанта вежливо выслушивали, потом просили убраться и палили снова.

Наконец несколько отчаянных солдат, пригибаясь, побросали к башне вязанки хвороста и кинули в них факел. Взвился дым. Лишь тогда в амбразуру высунулся штык с белой тряпицей.

Хворост моментально раскидали.

Отошла кованая дверь, и появились закопченные, перевязанные защитники во флотских и пехотных мундирах. Впереди – молодой офицер без фуражки, с грязной повязкой на голове.

– Вы сдаетесь? – шагнул к ним адъютант.

– А вы сами не видите? – Флотский офицер сердито сунул ему в руки свою саблю.

– Могли бы сделать это и раньше, – хмуро, словно пряча виноватость, укорил его адъютант. – Столь бессмысленное сопротивление уже не геройство, а нарушение воинского этикета.

– А выкуривать противников, словно клопов, не нарушение воинского этикета? – огрызнулся моряк. И добавил тише: – Мы бы и не сдались, но с нами мальчик...

Мальчик был чуть повыше барабанщика. В бескозырке и рваном флотском мундире. Из-под околыша торчали белобрысые космы. Он смотрел устало, но без испуга. Вслед за остальными положил на землю штыком вперед длинное ружье, выпрямился, скрестил на груди руки. Встретился с барабанщиком глазами и... чуть улыбнулся.

Счастливый своей победой командир дивизии – такой же израненный и закопченный, как защитники башни, – подошел к пленным. Сказал, что восхищен их беспримерной храбростью и сегодня же снесется с командованием противника через парламентаря: попросит каждого храбреца представить к награде. Затем приказал адъютанту отправить пленников в тыл и разместить с возможными удобствами.

...Бой по всей линии стихал. Война стихала... Противник добровольно оставил отбитые у войск ее величества бастионы. Удерживать их, когда потеряна основная высота, не было смысла.

Ночью войска противника без помех перешли на другую сторону Главной бухты по громадному наплавному мосту. Их пытались обстреливать, но без результата. А для преследования не было сил.

Уцелевшие жители города тоже уходили. Переправлялись кто на чем.

Город горел. Иногда гремели взрывы. Посреди бухты пылал запаленный зажигательной ракетой фрегат.

6

Защитников башни наутро отвели в длинное каменное здание флотских экипажей, уцелевшее в бомбардировках. От Второго Колониального полка назначили караульную команду – десяток стрелков. Мальчик напросился с ними.

Рядовых матросов и солдат разместили в казарме, офицеров – в командирском крыле. Взяли с них слово, что не будут делать попыток к бегству и дождутся обмена пленными, и после этого разрешили гулять по территории казарм.

Оказалось, что пленный мальчишка – офицер. Он был всего на год старше барабанщика, и в начале войны его записали во флотские юнкера, но в условиях обороны время считалось не как в мирной жизни. Месяц – за год. И за два дня до штурма вышел приказ о присвоении юнкеру звания мичмана. Вот так! Жаль только, что не успел обзавестись офицерской формой...

Юный мичман служил порученцем у начальника третьей артиллерийской дистанции и накануне решительной битвы пришел на Главную высоту с пакетом. Здесь он заночевал. Поэтому и оказался в гуще боя. И, говорят, воевал не хуже других...

Но все это наш мальчик узнал позже.

А сначала он издалека, со щемящим любопытством приглядывался к т о м у м а л ь ч и к у, когда они оба бродили по мощеному ракушечными плитами двору. На плитах лежали десятифутовые якоря со сгнившими дубовыми штоками.

Несколько раз пленный мальчик встречался с барабанщиком взглядом и, кажется, улыбался снова. Без заискивания, без вызова. Просто у л ы б а л с я.

Наконец, словно подчиняясь натянувшейся между ними каучуковой нити, они сошлись у изъеденного ржавчиной громадного якоря.

И каждый стал смотреть на сапоги другого.

Потом пленный спросил:

– Вас как зовут? – На языке противника он говорил как на своем.

– Даниэль Дегар... Барабанщик. Только барабан разбило... А вы... кто?

– Мичман Астахов. Виктор...

– Виктор?

– Виктор. А можно Витя...

– Вить'а...

– Ну да. Или Витька... Если «Витька», тогда не «вы», а «ты».

Барабанщик Даниэль Дегар запустил руку в карман широких красных брюк. Вынул яблоко – их добывали в захваченных деревнях интендантские разъезды.

– Хочешь?

– Ага... гран мерси. – И растянул в улыбке широкие, в мелких трещинках губы. Лицо у него было круглое, курносое, а глаза серые.

Потом губы сжались, и мичман Астахов, то есть «Ви-ть-ка», с усилием разломил яблоко.

– Вот так лучше. Держи...

Они сели на плиту, привалились плечами к якорному штоку – Витька левым, Даниэль правым. Дым над городом во многих местах развеялся. Сильный дождь, который шел всю ночь, погасил пожары. Видны были круглые белые облака. Нигде не стреляли.

Потом они часами сидели рядом и говорили про всякое. И про свою прежнюю жизнь говорили. Витькин отец, морской офицер, умер перед войной. А его, Витьку, определили в юнкерскую роту. Мать с сестренками в самом начале обороны уехала в другой город, подальше от снарядов. Мальчишек-юнкеров, несмотря на их протесты, тоже вывезли в тыл,

но Витьку перед этим отпустили проводить мать, и он будто бы случайно отстал от своей роты. И примкнул к флотскому экипажу, который занял позиции на третьей артиллерийской дистанции. Ну и... воевал как все.

– И повезло. За всю оборону – ни одной царапины.

– И у меня... Только вот рукав, – мальчик шевельнул плечом с зашитым сукном.

Потом помолчал и сказал, что застрелил бородатого солдата. Все поведал, как было. Как испугался. И как убили капрала Бовэ.

Витька проследил за полетом желтой бабочки и сказал с виноватой ноткой:

– Что поделаешь, война...

– А зачем?

– Зачем война?

– Да.

– Ну... не знаю. Это ведь... вы пришли к нам с десантом. А нам что делать? – Он будто оправдывался. А оправдываться было не в чем!

Мальчик сморщил лоб.

– Я не про то. Я вообще... про всё целиком. Нынче одни с десантом, завтра другие, каждый считает, что он прав. И убивают всех одинаково... Зачем?

– Но ты вот тоже... пошел в барабанщики.

– Так получилось. Я вообще-то хотел в моряки...

– И я! Моряки ведь не только воюют! Они делают открытия!

– Я знаю. Я читал про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля...

– И я читал... А еще у меня вот... – Витька расстегнул потрепанный мундирчик, достал из-за брючного пояса плоскую книгу в оранжевом потертом переплете. – Это... мама подарила, когда мне двенадцать лет исполнилось. Я с ней нигде не расстаюсь. А там, в башне, она меня от раны спасла, от осколка. Видишь? – Верхний угол у корешка был прорублен, словно острым топориком.

– По... б... н... – попробовал Даниэль на свой лад разобрать незнакомые буквы.

– Робинзон, – улыбнулся Витька и открыл титульный лист. – Издание книгопродавца Лоскутова, Санктпетербург, тысяча восемьсот пятьдесят третий год. Она тогда новенькая была... Я помню, в тот день как раз после боя с турками вернулась наша эскадра... Смотри, тут картинок множество...

– Я знаю! – встрепенулся Даниэль, – Я помню! Мне давал “Робинзона” отец Бастиан. Картинки там были такие же!

Они полистали страницы, помолчали. Наконец Витька сказал:

– Когда вернусь из плена, пойду слушателем в морской корпус. У нас всех гардемарин перед выпуском посылают в кругосветное плавание. Ну, я, конечно, уже офицер, но все равно обязаны послать, раз я еще не был...

– Счастливый ты... – сказал мальчик.

– А ты... можешь ведь тоже стать моряком. Ну, пускай сперва матросом, а не офицером, а потом...

– Да не в том дело, кем... – И мальчик признался, как страдал во время плавания.

– Да-а... – посочувствовал Витька. – Из-за этого дела уходят на сушу даже выпускники морского корпуса. Те, кто не смог себя пересилить.

– Я точно не смогу...

– А... что будешь делать? После войны.

– Не знаю. Наверно, вернусь в Пуль-Нуар. Отец Бастиан учил меня рисовать и говорил, что получается. Попрошу поучить еще, а потом буду ходить по разным городам, делать портреты для тех, кто пожелает... А еще у отца Бастиана есть ящик со стеклом, как у подзорной трубы. С его помощью можно делать портреты и картины на металлических пласти-

нах. Я помогал обрабатывать эти пластины во всяких кислотах, готовил растворы. Научусь еще больше и тогда заведу себе такой же ящик...

«А еще можно разыскать Катрин», – подумал мальчик. Но почему-то застеснялся и ничего не сказал.

А Витька вдруг оживился:

– Послушай! Не обязательно же путешествовать на кораблях! Сейчас все чаще стали строить воздушные шары. Скоро воздухоплавание будет таким же обыкновенным делом, как плавания по морям. Ты можешь брать с собой свой ящик, летать над всякими странами и делать картины природы. Для разных журналов и книг по географии!

Витька здорово придумал! У мальчика просто затеплело в душе от этого.

– А ты думаешь, на воздушном шаре не укачивает?

– Конечно нет! Ты там будто висишь в неподвижности, а под тобой плывут разные незнакомые страны. Я про это читал в журнале «Картины природы», который мы получали до войны.

Прошло двое суток после штурма и переправы.

Стрельбы и стычек почти не было. Обе стороны понимали, что продолжать войну нет смысла. И сил нет. Захватив Главную высоту и основную часть города на Левом берегу, союзные войска могли считать, что одержали победу. Но победа была скорее моральная, а не стратегическая. Дальше-то что? Бастионы и каменные форты Правого берега смотрели на противника тысячей могучих корабельных орудий. Атаковать берег было безумием.

Понимание своего бессилия выводило командующего из себя.

"Маршал Тюлю ппэ ведет себя глюппэ", – острили у него за спиной адъютанты, поднаревавшие в языке противника.

"Тюлю ппэ" или "Тюлюппэ" было прозвище маршала.

Однажды во время зимнего перемирия, когда солдаты двух армий сходились на ничейной земле и по-приятельски хлопали друг друга по плечам, какой-то пехотинец в серой шинели спросил другого – в синей:

– Слышь, а вашего главного генерала почему так смешно зовут? То есть что оно означает это фамилие? Такое заковыристое.

Разговорчивый противник, как ни странно, понял вопрос. Настоящая фамилия маршала в переводе означала «накидка» или «шуба».

– О да, очь-ень смешно! Да! Это будет как... такое пальто из мех... Ви понимать?

– А чего не понять-то? Значит, «Тулуп»!

– О да! Тюлюпп! Тюлюппэ! – развеселился «синий» пехотинец.

Понеслось от солдата к солдату, дошло до офицеров. И приклеилось прозвище к маршалу. Вроде бы, непонятное, но ехидное. Впрочем, не совсем непонятное. Кое-кто из остряков заметил, что «тюлюппэ» похоже на «тюпильон», а это слово, как известно, означает «клочок», «хохолок» и даже «пучок сухих ненужных веток». Кругловатый, низкорослый, с похожей на широкую кисточку седой бородкой и петушиными замашками, маршал вполне соответствовал новому имени.

Ну и вот, этого маршала Тюлюппэ грызла досада. Потому что взятие города ничего не решило. Да и города-то не было, одни развалины. Догорало все, что могло гореть. В разных местах продолжали греметь взрывы. Взлетали на воздух редкие уцелевшие дома, орудийные склады, брустверы запасных позиций. Каждый взрыв приводил Тюлюппэ в ярость.

На четвертый день после взятия Высоты маршал отправил на Правый берег парламентаря. Барон де Люсс – изящный майор из штаба маршала – предстал перед командующим армии противника.

– Я имею честь передать вашему сиятельству заявление маршала, что он считает взрывы в сданном городе недопустимыми и расценивает их как вероломство. Это противоречит правилам, которые диктуют отношения между армиями цивилизованных стран.

Грузный, страдающий болями в пояснице князь заворочался в кресле.

– Помилуйте, барон, о каком сданном городе говорит его высокопревосходительство? Разве мы подписывали капитуляцию? Или вручили вам ключи? Брали обязательство сложить оружие? Из соображений стратегии я отдал приказ оставить прежнюю линию обороны и занять более выгодные позиции. И только. А минирование оставляемых объектов есть жестокая, но, увы, общепринятая практика оборонительных действий. А ля гер ком а ля гер, барон... Впрочем, не желая лишней крови, я не приказывал закладывать фугасы затяжного действия. Полагаю, что нынешние взрывы есть следствие пожаров в местах с брошенными боеприпасами, все их вывезти мы не имели средств...

Майор де Люсс нетерпеливо наклонил голову:

– И тем не менее, князь, я уполномочен заявить, что, если взрывы будут продолжаться, маршал примет самые решительные меры.

Естественно, барон ждал вопроса: «Какие именно?» Но князь молча смотрел на него.

– Если взрывы не прекратятся, десять пленных, взятых при штурме Главной высоты будут расстреляны на виду у вашей армии, князь. Таково непреклонное решение маршала, ваше сиятельство.

Командующий тяжело поднялся.

– Это решение не делает чести его высокопревосходительству. Уверен, что маршал не захочет жертвовать своей репутацией честного и храброго полководца и не станет выполнять обещание, данное, видимо, в минуту понятного раздражения. Что изменит в ходе войны гибель нескольких безоружных людей?.. Лейтенант Жильцов, проводите барона к шлюпке...

...А поздно вечером взлетела на воздух горжа и без того разрушенной береговой батареи Святого Гавриила...

7

Пленные не понимали, что случилось. Да и караульные солдаты не понимали. И мальчик... До сих пор к пленным относились вполне по-человечески, даже по приятельски, но вдруг прискакал лейтенант Бордо со странным приказом. Защитников башни – офицеров, матросов и солдат – заперли вместе в глухой комнате, которая раньше служила камерой гарнизонной гауптвахты. Затем выделили из караульной роты двенадцать конвойных и через весь город (который все еще дымился и местами горел) повели узников к бастиону «Каменный лев», что стоял у Главной бухты, ввиду укрепившегося на Правом берегу противника.

Конечно же, мальчик увязался следом. Он шел рядом с Витькой. Конвойные пару раз шуганули его, а потом перестали обращать внимание.

Витька не был сильно встревожен. Скорее наоборот, надеялся на хорошее:

– Наверно, будет обмен. Ваших привезут с того берега, а нас отправят к своим.

– Значит, скоро расстанемся, – печально сказал мальчик.

– Что поделаешь... Ты мне письмо напиши, когда война кончится. Хорошо? Я оставлю адрес...

– Ладно.

А на бастионе, на площадке, где выстроили пленных, лейтенант Бордо громко прочитал бумагу. О том, что завтра утром пленные будут расстреляны на виду у противника, поскольку он, противник нарушает международные нормы ведения войны. Таков приказ маршала.

Мальчик, обмякнув от навалившегося страха, смотрел на Витьку. Тот не заплакал, не дрогнул, только беспомощно округлил глаза и рот. Пленные молчали. Потом усатый унтер с плохо заросшим шрамом на лбу угрюмо выговорил:

– Ну и сука ваш маршал...

– Что есть это непонятное мне слово? – подозрительно сказал Бордо.

– То и есть, – отозвался старший из пленных, капитан-лейтенант Палей. – И ты тоже...

На приговоренных надвинулась хмурая шеренга со скрещенными ружьями, оттеснила пленников к двери каземата. Мальчика оттолкнули.

Караул был составлен наполовину из прежних солдат, а наполовину из стрелков морского десанта. Всего около тридцати человек. Те, кто были не на постах, расположились в капонирах левого фаса бастиона. А пленных заперли в нижнем этаже круглой невысокой башни, сложенной из брусьев известняка. На тяжелую полукруглую дверь навесили кованый замок размером с солдатскую фляжку. Массивный ключ командир караула – незнакомый мальчику лейтенант с черной круглой бородкой – опустил в карман шинели...

Все это случилось в середине дня. И до вечера мальчик томился тоскливым ожиданием. Не просто томился. Обдумывал. Высматривал. Решал... Прежде всего среди железного хлама в разоренной кладовой нужно было найти подходящую железяку – похожую на ключ. Чтобы карман лейтенантской шинели, висевшей у входа в капонир, отвисал по-прежнему. Мальчик нашел. Это была петля оружейного ящика – с кольцом, похожим на голову ключа.

Лейтенант и два сержанта сидели за бутылкой вина. Край оружейного лафета был застелен полотенцем, на нем – каравай и красные, как кровь, помидоры. Вино в бутылке было просвечено косым лучом из амбразуры. Тоже словно кровь.

Мальчик постоял рядом с шинелью. Будто случайно тронул ее плечом и рукою. Потом шагнул в середину капонира. Только сейчас на него посмотрели.

– Тебе чего, барабанщик, – добродушно сказал лейтенант.

– Дружок у него в башне, мичманёнок ихний, вот он и мается, – объяснил знакомый сержант Кокнар (мальчик его не любил).

– Никакой он не дружок! Мы с ним рассорились! Он сказал про мою медаль, вот про эту, что она простая медяшка! И что наш император перед их императором... будто мышь перед тигром! – Это мальчик придумал в секунду. В опасности иногда вспыхивает мгновенное вдохновение.

– Ну а чего тогда здесь болтаешься? – это опять офицер.

– Я... не ел с утра. Господин лейтенант, можно мне попросить немного хлеба?

Ему дали краюху и помидор.

– И шел бы ты в свое расположение, – посоветовал офицер. – Нечего тебе глядеть на то, что будет завтра.

– Да, мой лейтенант! С вашего позволения, я сейчас отправлюсь в казармы.

– Заблудится он в развалинах. Или мародеры привяжутся – обеспокоился сержант Кокнар.

– Чего с него брать мародерам, – сказал другой сержант.

– Я не заблужусь. Я запомнил дорогу! – Мальчик отдал честь и по-строевому крутнулся на пятках.

Он на виду у многих ушел с бастиона. Потом скрытно вернулся. Ящеркой скользнул в расщелинах камней, за спинами часовых на внешнем посту. Прячась в бурьяне и наваленных всюду ракушечных глыбах, пробрался к башне. Часовой ходил с другой стороны. Душно пахло чертополоховым соком. Мальчик громко шепнул в черную щель бойницы:

– Вить'а...

В сумраке забелело круглое лицо.

– Даня...

– Витька... Если я после заката отопру дверь, вы сумеете уйти?

– Подожди...

Витька исчез на несколько минут, и мальчик истомился ожиданием.

– Даня... Тут есть матрос, он до войны служил на этом бастионе. Говорит, что знает тайный проход к дальним причалам. Можно рискнуть. Все равно терять нечего...

– Я отвлеку часового. Вы выйдите, и его... только не убивайте, ладно?

В зарослях чертополоха с красными (тоже кровавыми) цветами мальчик дождался захода солнца. Оно быстро утонуло в тихой, с переливчатыми красками воде. Почти сразу навалилась теплая ночь.

Над полукруглой, врезанной в каменную толщу дверью горел зарешеченный фонарь. Тусклый, закопченный.

Мальчик проследил, как сменили часового. Новый солдат зевал и оглядывался. Топтался у двери. Мальчик подождал с четверть часа, потом кинул камешек в дальние кусты дрока. Часовой нацелил штык и крадучись двинулся на шум.

Хорошо, что замок оказался смазан. Колюч повернулся легко, дужка не звякнула. Сердце мальчишки колотилось будто не в груди, а в ушах, гул стоял в голове. Но двигался мальчик точно и стремительно. Плечом нажал на дверь...

Все было продумано. Два матроса выскользнули из башни и притаились снаружи. Вернувшийся часовой не пикнул, когда его скрутили. Заткнули рот, замотали голову, поясами стянули ноги и руки. Сунули беднягу в каземат, опять навесили замок.

...По наружной линии бастиона стояли часовые. На берегу тоже. Но матрос-проводник скользнул в незаметную щель вблизи башни. За ним остальные. Оказались в полной тьме. Кто-то зажег тряпичный, пропитанный оливковым маслом (от тюремного обеда) жгут.

Во мрак уходил тесный сводчатый туннель. Пошли быстро и без слов, с частым хриплым дыханием. И шли долго. Мальчики – в середине цепочки.

Наконец дохнуло морской солью, блеснули звезды. Все крадучись выбрались из туннеля. В темноте громоздились каменные обломки, обгорелые сараи. Близко плескала вода. Над ней угадывались мостки из свай.

В бухте отражалось догорающее вдали судно. Порой взлетали сигнальные ракеты. На дальнем берегу мерцали сторожевые огни противника... Да, а кто теперь противник?

Основное пространство бухты было темным. Можно пересечь незаметно. А на чем?

– Здесь завсегда полно было яликов и шлюпок старых. Нынче, видать, все увели беженцы...

– Вот окаянность...

– Вашбродь, тут вроде вельбот под пирсом... Он и есть. Господь милостив...

– Пробоина же. Потому, видать, и не взяли...

– Да какая пробоина. Сей же час заткнем. Плыть-то недолго...

– И впрямь... Доски поищите заместо весел...

Этот приглушенный разговор словно не касался мальчишек. Они стояли друг против друга.

– Даня! Уходи с нами.

– Куда я там... И выйдет, что дезертир. Нет...

– Тебя же здесь убьют. Догадаются...

– Не догадаются. Все знают, что я ушел с бастиона. К утру буду в казарме...

– Я написал тебе адрес. Вот, – Витька сунул в ладонь мальчика бумажный комок.

Они коротко обнялись. Даниэль проглотил слезы. От вельбота сказали:

– Астахов, скорее. Мальчик плывет с нами?

– Нет, – не то выдохнул, не то всхлипнул Витька. – Говорит, что не может.

Командир беглецов подошел, сжал мальчику плечо.

– Спасибо, товарищ. Не забудем до смерти. Храни тебя Бог...

И мальчик остался один. Заплескало вблизи, тронулась по воде похожая на многолапого зверя тень. И даже не крикнешь «прощай»...

Он понимал, что безнадежно заплутает во мраке. Поэтому дождался среди развалин рассвета. И двинулся мимо черных разбитых домов, по лестницам и остаткам улиц.

«Наверно, красивый был раньше город».

Вверху большой лестницы, на площадке с рухнувшей колоннадой его остановил патруль.

– Это что за ранняя пташка? Небось, спешишь со свидания? Где ты отыскал девиц?

– Да рано ему еще с девицами! Небось, шарил по домам.

– Я не шарил, я заблудился! Я барабанщик Второго Колониального полка! Был на бастионе «Каменный лев», а сейчас иду в казарму!

– Ишь ты, барабанщик! С медалью. Видать, герой... Однако, общите героя на всякий случай...

А в кармане – бумажка с чужими буквами, с адресом враждебной страны. И ключ! Он его сунул в карман, когда запер замок, и выбросить забыл...

8

Разобрались быстро. Мальчик поотпирался и перестал. Куда деваться-то, раз улики налицо! Он очень устал и уже не боялся.

Его почти не ругали. Незнакомые офицеры во время допроса хмуро переглядывались и пожимали плечами. А один седой майор со сдержанной жалостью сказал:

– Ох и дурак ты, братец...

Но мальчик знал, что он не дурак. Он сделал все как надо.

Его отвели опять на «Каменного льва» и заперли там, откуда бежали пленные. На тот же замок, тем же ключом.

Скоро случившееся стало известно командующему.

Прибыл лейтенант Бордо с письмом. Вошел в каземат вместе с командиром караула.

– Встаньте, барабанщик.

Мальчик поднялся с соломы.

Лейтенант Бордо официальным голосом прочитал приказ. В нем сообщалось, что завтра после восхода солнца барабанщик Второго Колониального полка Даниэль Дегар будет расстрелян на парапете бастиона. Вместо заложников, которых он столь вероломно и предательски освободил ночью. Казнь произойдет так, чтобы всю процедуру видела противная сторона.

Мальчик стремительно мертвел. Не двигался.

– У вас есть лишь одна слабая надежда, – сообщил Бордо. – Возможно, вас помилуют, если приговоренных к расстрелу пленников удастся вернуть.

Несмотря на ледяной ужас, мальчик нашел силы для улыбки: «Попробуйте, верните». Бордо понял его. Сказал значительно:

– Командующий принял особые меры.

Затем офицеры вышли. Дверь ухнула, лязгнула – и опять полумрак.

Мальчик постоял полминуты и упал в солому лицом.

Какие меры принял маршал, барабанщик, разумеется, не знал. А тот поступил, по мнению многих, весьма подло. Вновь направил парламентаром барона де Люсса, который сообщил командующему вражеской армией следующее:

– Князь! Десять пленников, приговоренных к расстрелу, малодушно бежали, воспользовавшись помощью подкупленного ими мальчишки-барабанщика. Это накладывает пятно на всю вашу армию.

– Простите меня, старика, барон, вы несете вздор! Право на побег существует у всех пленных. Особенно же у тех, кого, вместо обещанного им обмена, обрекли смертной участи. А что касается барабанщика, то, как мне известно, мальчик помог несчастным из сострадания и благородства души.

– К сожалению, благородство души не спасет его от расстрела, если к тому времени беглецы не отдадут себя вновь в наши руки...

– С какой стати, майор? Это бред!.. К тому же, среди них тоже есть мальчик. Что за безбожный выбор вы предлагаете!

– Не я, ваше сиятельство, а маршал.

– Я не верю, что маршал решится запятнать себя кровью ребенка!

– Этот ребенок – солдат и подчиняется законам военного времени. А маршал никогда не меняет своих решений. Казнь неизбежна.

– Если... т а к о е случится, – глухо сказал князь, – я отвечу на это мощью всей своей артиллерии. Восемьсот девяносто орудий в течение суток будут превращать ваши позиции в

щебень. Я прикажу потратить месячный запас боеприпасов, и сам государь не осудит меня за такой расход...

– Ваше сиятельство! Поскольку вы отказываетесь сообщить о требовании маршала беглецам, я считаю долгом самому сделать это. И если в них есть хоть капля благородства...

– Есть, есть. И они бы вернулись, конечно, если бы узнали про такое иезуитство... Однако, барон, изъявив намерение снестись с бывшими пленными через мою голову, вы превысили полномочия парламентаря. Это дает мне основание задержать вас... вплоть до завершения всей ситуации... Лейтенант Жильцов! Примите у майора де Люсса саблю и проводите его на офицерскую гауптвахту. Проследите, чтобы барон ни в чем не имел нужды, но не имел бы также никаких сношений с кем-либо из офицеров и солдат...

В небе проступило предощущение утра. Казалось бы, звезды светили по-прежнему, но в блеске их появилась неуверенность. А в черноте неба – чуть заметная белесость. Кузнечики смолкли.

Мальчик ушел в башню, лег на солому и заснул.

Ему приснилась мама.

Вот странно, он почти не помнил ее и наяву думал о ней очень редко. А тут мама подошла, нагнулась, тронула волосы, и повеяло от нее такой нежностью, хоть плачь. Мальчик сел. Но мама уже уходила во тьму, а рядом оказался капрал Бовэ. И стало светло. И мальчик увидел, что глаза у дядюшки Жака светло-карие. Дядюшка щурил эти глаза, неуверенно отводил их от мальчика и говорил:

– Да ты не бойся. Самое поганое – это секунда, когда в тебя стреляют, а дальше уже не страшно.

Мальчик хотел соврать, что он и не боится, но опять сделалась ночь, и дядюшка Жак стал уходить в эту ночь. Мальчик кинулся было за ним, но тьма вдруг заискрилась частыми звездами (как недавнее небо!). И мальчик понял, что это не просто ночь, а громадный шелковый шлейф с блестками. Шлейф тянется за платьем Катрин, которая играет Добрую Королеву. Не мог же мальчик упустить, бросить этот шлейф. Ведь он – королевский паж!

Мальчик хотел ухватить черный шелк. Если успеет, если схватит – все станет хорошо! Он уйдет в сказку, и нынешняя страшная жизнь будет над ним уже не властна!.. Однако невесомая чернота со звездами скользнула между пальцев, как воздух...

9

Когда в бойницах засветилось утро, мальчика разбудили. Он сразу все вспомнил. Над ним стояли незнакомые сержант и солдат.

Солдат протянул чистую белую рубашку.

– Вот... надень. Так положено.

Полотно пахло свежестью.

Поверх рубашки мальчик хотел опять надеть свою синюю куртку с измызганными галунами, но сержант сказал:

– Не надо...

«Это чтобы меня лучше видели с той стороны», – догадался мальчик. Потом подумал: «Наверно, и Витька увидит...» И от этого появилась сладкая горечь.

– А медаль можешь прицепить. На рубашку, – сказал сержант. – Медали тебя не лишали.

Мальчик оторвал медаль от куртки и бросил в амбразуру. Медный кружок с трехцветной ленточкой и вензелем его императорского величества...

Было время, когда барабанщик Даниэль Дегар верил, что готов умереть за императора.

А теперь за кого он будет умирать? За Витьку. И за тех пленников, которым помог бежать... Ну, их-то мальчик почти не знал, а вот Витька... что же, это не какой-то незнакомый, чудовищно далекий император. Витька – он живой, настоящий, добрый. За него – стоит... Пусть он поживет на свете за себя и за Даниэля, пусть поплавает по морям, посмотрит на белый свет...

Теплая горечь нарастала в груди мальчика, намокли ресницы.

Вошел высокий длиннолицый священник (мальчик встречал его зимой в городке Тростевиле). Глядя мимо мальчика, священник сказал:

– Помолись, сын мой.

Мальчик ответил шепотом:

– Я ночью три раза прочитал «Патер ностер». Чего еще.

Священник положил ему на голову легкую ладонь, подержал немного.

– Тогда идем, сын мой... Господь милостив и дает нам надеяться до последнего мига...

Когда вышли, в мальчика весело ударило встающее солнце. Оно подымалось над развалинами, малиново-золотистое.

«Какое чистое», – подумал мальчик. Весь год солнце светило сквозь дым, но теперь дым развеялся, и мальчик впервые видел ясный восход.

Мальчика взяли за локти и заставили встать на высокий парапет. Далеко внизу было море – зеленая глубина под каменным отвесом. Погода стояла тихая, но все же у камней вода лениво ворочала космы бурых водорослей, ходила туда-сюда... А за бухтой был желтый берег со сплошной линией укреплений. Пустынный. Выжидательно притихший.

Все это мальчик видел недолго, его заставили повернуться – лицом к внутренней площадке бастиона.

Ух какие люди собрались здесь ради мальчишки! Сам маршал Тюлюппэ не поленился встать рано, пожаловал с адъютантами...

Двенадцать солдат морского десанта выстроились с ружьями недалеко от парапета. «Ну, правильно. Знакомых на это дело не поставят... Вот странно, я почему-то почти не боюсь...»

Один из адъютантов развернул очень белый лист и стал громко читать. Громко и... неслышно. Между ним и мальчиком как бы выросла прозрачная стенка и слова отскакивали от нее.

Потом адъютант что-то сказал караульному офицеру. Прозрачная стенка исчезла. Офицер с черной бородкой – тот, что вчера дал мальчику хлеб и помидор – отчетливо ответил адъютанту:

– Это не входит в мои обязанности, капитан!

– Под арест! – не то пролаял, не то прокашлял командующий императорской армией.

Офицер пожал плечами. Отцепил саблю, отдал адъютанту и пошел с каменной площадки.

Командир Второго Колониального полка (мальчик его почти не знал, тот появился недавно, вместо прежнего, раненного) официально шагнул к Тюлюппэ.

– Господин маршал, мы ждали от вас иного. Неужели вам чуждо всякое сострадание?

– Вы забываетесь, полковник!

– Прикажете и мне под арест?

– Если вы откажетесь командовать солдатами.

– В данном случае – безусловно. И надеюсь, что эта история скоро станет известна императору! – Полковник тоже отдал саблю адъютанту. И ушел вслед за командиром караула.

Мальчик наблюдал за происходящим со спокойным любопытством. Будто он – это не он. Будто во сне...

– Лейтенант! – пролаял Тюлюппэ.

– Я, мой маршал! – Лейтенант Бордо звякнул шпорами.

– Я поручаю эту миссию вам... капитан! И поторопитесь! Пора кончать! Не армия, а балаган!

Бордо встал у края шеренги.

– Солдаты! На-а прицел!

«Кажется, ведь должны завязать глаза? Черта с два! Не дам!»

Но про повязку, видимо, забыли.

Ружья поднялись. Медленно, вразнобой. Потом правофланговый усач нагнулся и положил ружье.

– Виноват, мой маршал. Я солдат, мой маршал, я не умею стрелять в ребятишек. Лучше уж прикажите встать рядом с ним...

«Вот это да», – подумал мальчик. И будто проснулся. В нем стремительно вырастала надежда.

Остальные солдаты тоже сложили перед собой ружья – как дрова.

– Вы все будете расстреляны по решению военного суда! За неповиновение и бунт!.. Кру-гом! На гауптвахту шагом марш! – В голосе Тюлюппэ прорезались петушиные ноты.

Солдаты повернулись – кто через левое, кто через правое плечо. И шеренга, ломаясь, ушла с площадки (гравий хрустел под сапогами). В спинах солдат был не страх, а облегчение.

– Лей... капитан! Вы мне кажетесь здесь единственным офицером, знакомым с воинской дисциплиной! – Тюлюппэ, видимо, забыл про притихших адъютантов. – Капитан! Я приказываю вам самому довести дело до конца!

Бордо повел плечами. Встал свободно, даже развязно. Провел языком по ярким губам. Откинул полу синей шинели, достал из глубокого внутреннего кармана длинный пистолет. «Почти как мой», – тоскливо подумал мальчик.

Стало тихо-тихо. Все знали, что Бордо отличный стрелок. В тишине он сказал с нарочитым зевком:

– Жаль. Такой красивый мальчик...

Глаза у него были, словно в них капнули оливкового масла.

Бордо заложил левую руку за спину, а правую начал поднимать на уровень плеча.

Впереди масляных глаз мальчик увидел пистолетный зрачок.

Пропуская над собой хлесткий выстрел, мальчик отчаянно выгнулся назад, толкнулся подошвами. Ахнула пустота, завертелся, засвистел мир. Зеленая, завитая в спирали вода понеслась навстречу. Сквозь ее неровную толщу видны были размытые пятна медуз.

Удар о воду оглушил мальчика. Но только на миг. Инерция тянула его ко дну, в тугую зеленую толщу. Потом нестерпимую плотность моря встряхнул, изломал на глыбы чудовищный удар. И мальчик понял в последний миг: это мстительно грянули на дальнем берегу все батареи.

«Господи, зачем?..»

Конец этого рассказа неясен.

Что стало с Витькой, с мичманом Астаховым, неизвестно. Возможно, что после войны он и в самом деле отправился в кругосветное плавание. А потом служил на кораблях нового, уже броненосного флота и, возможно, достиг высоких чинов.

Среди редких уцелевших жителей разгромленного города ходил слух, что одноногий яичник дед Матвей в одном из береговых, заливаемых волнами гротов нашел тело длинноволосого мальчишки. Хотел уже, помолившись, схоронить на берегу, но хлопчик вдруг зашевелился, что-то сказал не по-нашему. Вроде бы, дед выходил найденыша, только почему-то прятал от людей. Вскоре, однако, старик помер, а мальчонку так никто и не видел. Правда это или нет – разве узнаешь? В те времена, в последние дни осады, а затем – в смутные дни перемирия, случалось всякое...

Суд над солдатами, кажется, не состоялся.

Маршал был обласкан императором за славную победу. Но историю на бастионе «Каменный лев» многие офицеры ему не забыли. Как не забыли и прозвище – Тюлюппэ.

Новоиспеченный капитан Бордо за день до перемирия был убит штуцерной пулей, прилетевшей с Правого берега.

В семидесятых годах девятнадцатого века среди европейских репортеров-путешественников был известен фотограф Даниэль Дегар, автор многих снимков, сделанных в африканской саванне и на берегах Амазонки. Впрочем, сомнительно, что это т о т с а м ы й Даниэль. А если тот, значит, он все-таки преодолел морскую болезнь. Ведь в Африку и Южную Америку на воздушном шаре было не долететь. По крайней мере, в те времена. Только Жюль Верн, на радость мальчишкам, сочинил про это фантастический роман...

И в любом случае Даниэль Дегар и Виктор Астахов едва ли что-то знали друг о друге. Ведь бумажку с адресом у барабанщика отобрали при допросе...

Но конец неясен даже не из-за этой неизвестности. Грустно другое. Маленький барабанщик Второго Колониального полка никогда не узнал ответа на свой вопрос: «Зачем мир устроен так, что люди все время убивают друг друга?» И не узнал бы, доживи он хотя бы и до нынешних времен.

Потому что и в наши дни ответа нет.

II. Газетчик

1

Оська с разбега пересек пустой солнечный двор. Запрокинул голову. Поймал на затылке чуть не слетевшую бейсболку.

– Чудовище! Эй, Чудовище!

Двор обступали квадратом старые двухэтажные дома. С длинными балконами. На балконах неподвижно висело белье. Был конец мая, но стояла уже не весенняя, а густая летняя жара. В щелях ракушечных плит синел цикорий. У высохшего колодца утомленно доцветал кривой каштан-пенсионер. В этот полуденный, разморенный солнцем час на дворе должна была стоять сонная тишина. А тут – нате вам:

– Чудовище! Анаконда! Ну, где ты?!

Из-за стеклянной звякнувшей двери возникла Анка. С закутанной в полотенце головой (наверно, снова красила волосы).

– Осище, ты опять дразнишься! Я скажу маме!..

– Держи! – Оська метнул вверх увесистый школьный рюкзачок (кепка при этом все-таки упала). Анке куда деваться-то – поймала “посылку”.

– Осина ненормальная! Я все равно скажу ма...

– Скажи, что я в редакцию, а потом в порт! – Он подхватил бейсболку и замелькал навечно загорелыми икрами и локтями.

– Стой! Почему ты не в школе?! У вас же контрольная! Я скажу ма...

– Отменили! – донеслось из-под арки вместе с убегающим шелканьем сандалий.

Контрольную и правда отменили. Только не для всех, а для Оськи.

Когда на доске были написаны оба варианта с примерами и задачами, математичка Роза-Угроза вдруг скандально заявила:

– Чалка! Еще решать не начали, а ты уже пытаешься списать у соседа!

Чалка – это Оськина фамилия.

– Чего я пытаюсь списать! У него же другой вариант!

– Значит, пялишь глаза через проход в тетрадку Юхновской!

– Чего пялить, если у нее еще ни цифры не написано! – возмутился Оська. Хотя возмущаться, когда говоришь с Розой-Угрозой – себе дороже.

– Еще и хамишь! Встань сейчас же!

“Наверно, с утра полаялась с мужем”, – подумал Оська. И, видимо, эта мысль прочиталась у него на лице.

– Ты что-то умничать стал последнее время...

Оську опять дернуло за язык:

– А вам только дураки нравятся, да?..

– Что-о?.. А гуляй-ка ты, друг любезный, из класса. Отправляйся к завучу и скажи, что я сняла тебя с контрольной за подглядывание в чужие тетради. А я постараюсь, чтобы эту контрольную ты писал осенью!

“Ага, в другом пространстве”, – буркнул под нос Оська. И, уходя, довольно крепко закрыл за собой дверь.

Но в коридоре он сразу остыл. Обида еще булькала в нем, но уже не злостью, а слезами. Не хватало ему переэкзаменовки! И главное – за что?!

“Вот пойду к Ховрину и расскажу про все! Пусть напишет статью про издевательства над учениками! Или сам напишу...”

Но сначала надо было идти к школьному начальству.

К завучу Оська не пошел. Не сумасшедший же! Еще не было случая, чтобы Муза Георгиевна (старшеклассники прозвали ее Медузой Горгоновной) защитила пятиклассника перед учителем. Оська зашагал к кабинету директора (и по пути старался распалить себя снова, хоть немного).

Повезло: строгой секретарши в приемной не было, а директор был на месте. Но... там же сидела и Медуза!

– Здравсте... – Оська сумрачно встал на пороге.

– Ты почемуходишь без стука! – Это, конечно, Горгоновна.

– Я постучал...

Директор – седой, тощий и утомленный жизнью – медленно посмотрел на мальчишку с мокрыми глазами.

– Сядь вон там в уголке, остынь... А мы пока закончим разговор... Муза Георгиевна, с ведомостями можно не спешить. А этим... господам из управления скажите, что у нас все-таки школа, а не канцелярия...

Они с завучем заговорили о своем, а Оська сел в закутке у шкафа на твердый пластмассовый табурет. Посапывал, дергал у колен бахрому обтрепанных штанов и поглядывал на часы. Они качали тяжелый никелированный маятник и отщелкивали минуту за минутой... И насчитали их семь.

... – Ну, так что у тебя случилось?

Оська встал, уронил табурет, быстро поднял.

– А чего... Еще не начали решать даже, я просто повернул голову, а она сразу: “Ты списываешь!” А чего там списывать-то...

– Не “она”, а Роза Ричардовна! – встряла завуч. – Стой как следует, раз ты в кабинете директора!

– Я и стою... Я и не думал даже списывать, а она...

– Это *Оскар* Чалка из пятого “В” – обличительным тоном сообщила Медуза.

– Да знаю я... – вздохнул директор. – Кстати, как человек, причастный к газетному делу, ты мог бы изъясняться более связно. Ну, ладно... А почему Роза Ричардовна заподозрила тебя в преступных намерениях?

– Да просто я голову повернул! Чтобы лучше видеть доску...

– Чтобы видеть *доску*, повернулся к тетради *соседа*, – вставила Горгоновна.

– Да! – Оська сердито проглотил комок. – Потому что сбоку мне смотреть удобнее! Когда я прямо гляжу, у меня... темная полоска перед глазами. Вот так, сверху вниз... А когда я отворачиваюсь, она тоже уходит в сторону, наискосок все видно лучше... – Он честно взметнул на директора сырые ресницы. И... опять чуть отвернулся. – Я правду говорю.

– Подожди... Что за полоска? Давно это у тебя?

– Не так уж давно... То есть бывало еще в прошлом году, но не часто. А теперь почти все время.

– А родителям ты говорил про это?

– Пока не говорил... Это не очень мешает. Только если читаешь, надо голову немного вбок отворачивать...

– Так можно и шею натрудить... Ладно, об этом позже. А пока ступай в класс, скажи Розе Ричардовне, что вопрос исчерпан, и начинай решать.

Оська глянул на часы.

– Ага, вон сколько времени прошло. Я не успею решить, а она мне “пару”. И на осень...

– Суета сует... Муза Георгиевна, посмотрите в вашем журнале, какие оценки у Оскара Чалки из пятого “В” по математике в течение года.

– Я и так знаю. Сплошные тройки.

– У меня две четверки в этом месяце, – осторожно возмутился Оська.

– И двойка! – Медуза помнила все.

– Просто я тогда перепутал и не ту тетрадь принес! Разве за это ставят?

Директор утомленно встал.

– Муза Георгиевна, я думаю при таких успехах Оскара Чалки, контрольная не скажет ничего нового. Выставьте ему годовой результат по текущим оценкам.

Оська внутренне возликовал.

– Как прикажете, Олесь Дмитриевич, – сухо отозвалась Горгоновна. – Должна только заметить, что если Чалка и в будущем учебном году станет заниматься через пень-колоду, от переекзаменовки все равно не отвертится.

– Ага, в другом пространстве. – суеверно шепнул Оська и скрестил пальцы. Тихо шепнул, но они услышали.

– Что-что? – заинтересовался Олесь Дмитриевич.

Оська уставился на сандалии и опасливо задышал.

– У них в этом году новая поговорка. – разоблачила Оську Медуза. – Ян Янович любит рассказывать детям о разных аномальных явлениях и... гипотезах. И поведал осенью пятиклассникам, что мир наш, так сказать, многомерен и в нем существует множество пространств. И что в одних пространствах жизнь совсем не похожа на нашу, а в других почти такая же, только с разницей в некоторых деталях... Хотя едва ли найдется пространство, где Оскар Чалка – отличник... Короче говоря, научная фантастика. И у наших деток теперь это на языке. Чуть что не понравилось, сразу: “Это в другом пространстве”...

Муза Георгиевна произнесла свою речь бесстрастным тоном. Но ясно было, что учителя рисования и черчения Яна Яновича Корецкого она не одобряет. И что его “научную фантастику” считает совсем не научной...

Оська и сам не понимал, сколько там науки, а сколько сказки.

Тот разговор случился в октябре. Ян Янович тогда отправился с пятиклассниками в поход, в древний пещерный город среди невысоких Меловых гор.

Днем они бродили по таинственным каменным залам, лазали в узких проходах, играли в прятки среди грубо отесанных колонн и на лестницах, вырубленных в толще скал. Ян Янович показывал высоко на стенах барельефы и рисунки с крылатыми быками. И рассказывал, что до сих пор ученые толком не знают: кто устроил в пластах известняка эти удивительные храмы, жилища и лабиринты. А вечером все расселись у костерка, разложенного посреди круглой пещеры. Вверху, в каменном своде было отверстие, и в него смотрели две звезды.

– Кто у нас дежурный по вечернему чаю? – спросил Ян Янович.

– Оська! Оська Чалка! Он уже принес воду! – загалдели девчонки.

– Оська Чалка... Ось-качалка... – задумчиво проговорил Ян Янович. – Смотрите-ка... Может быть, в этих словах не просто случайность?

Кто-то вопросительно хихикнул.

– Какая случайность? – опасливо сказал Оська.

– *Не-случайность* ... Знаете, что такое ось-качалка? Это важная часть особого прибора, качающегося гироскопа... Ведомо ли вам, люди, что такое гироскоп?

– Это такие волчки в гирокомпасе, – сказали несколько человек, те, чьи отцы были моряками. Но Оська настороженно промолчал.

Ян Янович, сидя у костра, неторопливо объяснил, что гироскоп – это, да, волчок. Точнее, диск на оси. У гироскопа свойство – когда он вертится, ось его не меняет свое положение в пространстве.

– Ну, вы же сами тысячу раз видели: волчок не падает, пока крутится. Такой закон физики... Но иногда ось все-таки начинает колебаться. Раскачивается. Описывает одним или двумя концами кольца. И некоторые ученые считают, что при этом раскачивается и часть

пространства. И пространство это начинает просачиваться в другие, нам пока неизвестные участки вселенной. Отсюда всякие загадочные события в природе, в том числе и НЛО... Когда-нибудь люди научатся проникать в соседние пространства. В тех, что похожи на наше, они смогут встретиться со своими двойниками. А в непохожих будет масса таинственного...

Ян Янович говорил серьезно. И там, в загадочной круглой пещере, у первобытного огня, во всё это верилось. А потом – не очень. Однако Оську недели две после этого иногда дразнили Качалкой. А поговорка “В другом пространстве” осталась надолго.

... – Мне кажется, Олесь Дмитриевич, следует посоветовать Яну Яновичу не загружать младших школьников излишней информацией, – заключила речь Медуза.

Надо было бы заступиться за Яна Яновича. Но Оська не посмел: еще передумают да оставят на осень. Было неловко за эту боязливость, но он уверил свою совесть, что молодой и дерзкий Ян Янович и сам сумеет постоять за себя...

– Тогда... можно, я пойду?

– Подожди. Муза Георгиевна, проводите Оскара Чалку к врачу. А ты расскажи доктору все без утайки, с глазами не шутят.

Молодой школьный врач (приятель Яна Яновича) обрадовался пациенту и занялся Оськой всерьез. Велел смотреть на свет лампочки то одним, то другим зрачком и спрашивал: не щиплет ли в глазных яблоках?

– Ничуть не щиплет.

– А голова не болит?

– Нисколечко.

– Гм... – Врач несолидно поскреб курчавую голову. Зачем-то постучал блестящим молоточком по облупленным Оськиным коленям. Ноги при этом исправно дрыгались.

– Знаешь, дитя мое, я ведь педиатр, а здесь вопрос для узких специалистов. Я тебе выпишу направление к окулисту. В поликлинику, что на Каретном спуске.

– Там, небось, платить надо!

– С направлением школьного врача бесплатно... Слушай, а если честно, ты не придумал эту темную полоску? Ей-Богу, никому не скажу.

– Чес-слово, не придумал! Вот так вот маячит!

– Тогда выпишу бумажку...

– Андрей Гаврилович, а можно вас попросить...

– Можно, если не о страшном.

– Сходите, пожалуйста, со мной в класс. А то Уг... Роза Ричардовна не отдаст рюкзак, пока контрольная не кончится, а это еще полтора урока... А так я бы взял его и сразу в больницу!

– Что ж, идем вызволять имущество.

2

Оська бессовестно наврал доброму Андрею Гавриловичу. Он и не думал спешить в поликлинику. Раз уж судьба подарила ему лишний час, глупо было бы этим не воспользоваться. Вскоре после полудня к Хлебной пристани подойдет теплоход “Полнолуние”. Вообще-то “Полнолуние” грузовое судно, однако возит и пассажиров. Тех туристов, у кого туговато с финансами и кто не хочет тратиться на роскошь многопалубных лайнеров.

Если поспешить, можно успеть в самый раз.

И Оська спешил – на улицу Желтого Форта, где в двухэтажном особняке из пористого серого туфа располагалась редакция “Посейдон Ньюс”. Он в два прыжка перескакивал узкие булыжные мостовые, сплошь покрытые синей тенью платанов. Бегом пересекал маленькие площади с ленивыми фонтанами и бюстами адмиралов. Часто дыша, взбегал по брусчатым трапам на взгорки и весело прыгал по ступеням вниз. И так же весело прыгали в голове всякие мысли.

Только одна мысль была беспокойная. А что, если Угроза, пока Оськи не было в классе, забралась в его рюкзак? Вытащила дневник и накатала там на полстраницы “Обращение к родителям”? А потом дневник может вытащить Анка. “Ага, Осище, достукался! Мама придет, я все расскажу!”

Да нет же, не будет Анка ябедничать. Не такая уж она вредная. Не вреднее Оськи. Анакондой и Чудовищем он прозвал ее, просто чтобы позлить иногда. Скажешь “Анаконда” а она за ним – с поварешкой или полотенцем. “Ну, подожди, Оса ядовитая, я тебя достану! А потом еще маме скажу!..”

Анка была дочерью маминой подруги, которая жила далеко-далеко, почти что у Ледовитого океана. Три года назад подруга умерла (понятное дело: разве может нормальный человек жить среди таких холодов!). Анка осталась с отцом, который вскоре опять женился.

В прошлом году Анка приехала сюда поступать в кораблестроительный институт, но провалилась. Вернее, ее не приняли по конкурсу. Анка ревела и говорила, что ее не взяли из-за “инострального подданства”. Полуостров-то теперь вместе с Южной республикой был суверенным, отделившимся от Федерации государством...

Поревев, Анка стала собираться домой. Мама сказала: “Чего тебе там с мачехой, поживи с нами еще...” Раз “еще”, два “еще”, так и прижилась. Сделалась как своя. Мама была довольна: есть помощница в доме. От мальчишки-то много ли толку, а тут все-таки женские руки. И не так страшно оставлять Оську, когда приходится уезжать по служебным делам в ближние города и поселки (мама работала в транспортной конторе, и должность ее называлась “координатор диспетчерских служб”).

Анакондой Оська прозвал Анку из-за фамилии. Фамилия была северная, крепкая такая – Кондакова. “Анна Кондакова” – это же само собой складывается в “Анаконду”! Как “Оська Чалка” в “Ось-качалку”...

Поступать в институт Анка раздумала, устроилась работать в портовый узел связи. Сутки на дежурстве – двое суток дома.

Была Анка совсем не красавица – чересчур худая и длинноносая. Но все же не уродина, такие тоже замуж выходят.

А еще она ужасно боялась всяких болячек. Оська этим иногда пользовался. “Вот наворожу, чтобы у тебя чесотка случилась, будешь знать!” Он сумел убедить Анку, что знает кой-какое колдовство. Потому что осенью пообещал ей чирей на шее, и чирей (вот удача-то!) в самом деле выскочил...

Старая дедушкина квартира была ветхая, но просторная, места хватало всем. Даже, когда отец жил дома. Но он чаще не дома был, а в рейсах. А теперь...

Ах, Аргентина, Аргентина!
Такая чудная картина!
Бананы, пальмы и креолки,
И полицейский в треуголке...

Такая вот дурацкая песенка вспоминалась, когда Оська думал об отце.
Интересно, в самом деле там полицейские в треуголках, или это так, для рифмы?

После уличной жары полутемный вестибюль редакции обдал Оську прохладой. Казалось даже, что пахнет морской солью. Может, и правда этот запах с доисторических времен застрял в пористых камнях?

За фанерной стойкой заворчалась и добродушно заворчала в ответ на стремительное “здрасьте” грузная вахтерша тетя Руся. Она была в такой же, как на Оське бейсболке с надписью “Посейдон Ньюс” и в полинялой штурманской куртке. Три десятка лет тетя Руся проплавала на судах Южноморского пароходства – то буфетчицей, то коком, то смотрительницей пассажирского хозяйства, и на пенсии не смогла расстаться с флотскими привычками. Поэтому устроилась на нехлопотную должность в приморской газете.

– Привет, юнга. Какой ты с пылу, с жару, как от камбузной плиты...

– Ага! Тороплюсь! Остались газеты, тетя Руся?

– Ну, разве что специально для тебя. С полсотни еще есть.

– В самый раз!

– А куда побежишь-то с ними? В такой жаркий час люди имеют привычку сидеть в тени, а не болтаться по солнцепекам.

– Скоро “Полнолуние” швартуется.

– Так и что с того? Или мальчик не знает, что после возгорания в порту имеется приказ гнать вашего брата со всех причалов? Хоть в полдень, хоть в полнолуние. В целях противопожарной безопасности.

– Кого гнать, а кого и пропускать, – со скромным самодовольством отозвался Оська. – Главное, чтобы связи... – И он крутнул бейболку козырьком вперед. Так, чтобы и газетная надпись оказалась впереди.

Потом он прижал к груди пачку газет. Вдохнул керосиновый запах типографской краски и бумаги – знакомый, любимый.

– Спасибо, тетя Руся! Я – полный вперед! Спокойной вахты!

– Стоп, машина! А денежки?

– Ну, те-отя Руся! Какие у меня сейчас денежки! Продам и вечером принесу! Или скажите Ховрину, он заплатит, а я ему потом отдам...

– Ох, шибко он тебе волю дал, Ховрин-то.

– Не-е, не шибко! В самый раз!

– За вихры вот тебя! – Она потянулась к Оськиной голове. Его белые от солнца волосы торчали из-под бейболки, как длинные растопыренные пальцы. Оська хохотнул и прыгнул к двери.

– Постой, бесенок!.. Про отца-то что слышно?

– Нового ничего, – на миг опечалился Оська. И выскочил на солнце.

3

К Хлебному причалу можно было выбрать разные пути. Один – по кольцевому Адмиральскому бульвару. Другой – через Саперную балку, по узким каменным трапам на склонах, по тесным переулкам с белыми домиками, старинными водокачками и могучими пирамидальными тополями.

По бульвару было далеко. Через балку – опасно. Там в изобилии водились компании “малосольных”.

Мальчишечье население Города было неодинаковым. Взрослые сказали бы, что оно “делится на несколько социальных слоев”.

Те, от кого у приморской полиции постоянная головная боль, назывались “соленые”. Этакая крутая портовая братва: тельняшки, импортные гавайки и жилетки с бахромой, наколки, словечки сквозь зубы и дела – такие, за которые вполне светит “зона”. Конечно, это были большие парни, а порой уже совсем дядьки.

Тех, кто был помельче, вроде Оськи, но душой стремился в “соленые”, именовали “малосольными”.

Надо сказать, что “малосольные” были пестрым народом. Встречались там и нормальные пацаны, которые просто хотели выглядеть покруче, чтобы к ним никто не приставал. Но была и явная шпана – такая, что порой “солонее” больших.

Остальных ребят и “соленые”, и “малосольные” с ухмылкой называли “маринованными”. И виноват в этом был ни кто-нибудь, а двухзвездный адмирал Ведерник.

Когда случился раскол и Федерация с Южной республикой начали делить общий боевой флот, вице-адмирала Ведерника назначили командующим республиканской эскадрой. Эскадра, как и вся республика, сидела на голодном пайке. Без ремонта, без топлива, без боеприпасов (про последнее жители Полуострова говорили: “И слава Богу!”). Но доблестного командующего не смущала нехватка ресурсов. Он считал, что главное на флоте – порядок, а порядок начинается с внешнего вида.

Отпущенные республикой жидкие суммы адмирал пустил на новое обмундирование. Всем офицерам и матросам велел ходить летом в белых брюках и с голубыми аксельбантами на кителях и голландках. А фуражки и бескозырки приказал украсить большущими золочеными “крабами” со скрещенными якорями и старинным гербом Южного Края.

Тот же герб и якоря были на кормовых и стеньговых флагах, которые двухзвездный адмирал заказал для всех кораблей и судов. Причем, изготовили флаги не из обычной материи, которая называлась “шерстяная рединка” или “флагдук”. Из флагдука флаги шились на всех флотах во все времена, однако адмирал считал, что она быстро выгорает и теряет праздничный вид. Он пренебрег традицией и выбрал синтетическую ткань – мягкую, шелковистую, блестящую. Поручил сшить из нее не только боевые флаги, но и комплекты сигнальных сводов – Международного и Военно-морского.

Флаги сводов используются не только для сигналов, но и для праздничного украшения кораблей. Поэтому иногда и называются – флаги расцвечивания. пышное расцвечивание всегда было мило сердцу вице-адмирала. Ему бы позаботиться о свежей покраске боевых единиц своей эскадры, но это представлялось чересчур дорогим делом. Командующий решил, что пестрые флажные гирлянды будут отвлекать внимание от обшарпанных бортов эсминцев и крейсеров. И станут способствовать повышению боевого духа личного состава.

Может, они и правда повысили бы дух. Но тут правительство наконец усмотрело в разных делах вице-адмирала вредительство и действия в пользу соседней державы. Командующего сняли и отдали под трибунал. Члены трибунала, правда, нашли в поступках подсудимого не преступный умысел, а глупость. Вице-адмирал Ведерник был поэтому оправ-

дан и даже сделан советником президента по военно-морским делам. И в накладе оказалась только фабрика, изготовившая массу разноцветных флагов.

Новый командующий наотрез отказался выкупать продукцию фабрики. “Мне что, больше некуда деньги девать?” Потом все же взял кормовые и стеньговые флаги, а про сигнальные сказал: “Делайте с ними, что хотите. Я вслед за Ведерником не хочу, меня-то дураком не признают и в советники не возьмут”.

Фабрика, чтобы не впасть в полное разорение, пустила комплекты в свободную продажу. Оптом и в розницу. И по причине малого спроса все снижала и снижала цены.

Первым нашел для флагов применение режиссер детского ансамбля “Маринка”, что при Клубе рыболовного флота. Кстати, непонимающим людям название может показаться девчоночьим, но в ансамбле были одни мальчишки. И “Маринка” – в данном случае не имя девочки, а морская лодка, этакий смелый кораблик. Сравните: “субмарина” значит подводная лодка, “марина” – гавань для яхт. Кстати “Маринкой” называлась и небольшая шхуна детской флотилии при этом клубе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.